

Отец Иван крестил детей партбоссов

Многие из тех, с кем довелось отцу Ивану, настоятелю Покровской церкви Переславля, долбить гомилету на студенческой скамье Загорской духовной семинарии, давно дошли до степеней известных.¹ Кому mitra голову украсила, кто в архиепископское одеяние облачился. Правда, иных уж нет. И лишь крестьянский сын Иван Андреевич Беляков как был приходским священником, так им и остался. Не получил человек за свою долгую службу на nive служения Господу ни чинов, ни званий. И только одной наградой удостоил его Создатель — любовью народной. Ибо, не в обиду будет сказано остальным, нет для прихожан в Переславле батюшки милее и дороже, чем отец Иван. И зная об этой любви, присвоила ему светская власть два года назад звание почётного гражданина города.

Отец Иван приехал в Переславль в середине шестидесятых. Приехал из далёкого Ташкента, куда годовалым малюшкой привезли его родители из Пензенской губернии. Много светлых воспоминаний хранит память священника о годах жизни в городе, где под жарким солнцем юга обрели вторую родину и крестьяне голодных российских губерний, и бегущая от репрессий интеллигенция, и разутый-раздетый гегемон нового общества.

Но крепче всех сохранились в памяти две даты — 12 апреля 1942 года и 13 апреля 1943-го, когда десятилетним пацаном провожал отца на фронт и когда ровно через год, накануне Пасхи, в Вербное воскресенье, встретил его.

— Семья наша в бараке жила недалеко от железной дороги. И любимым занятием местных мальчишек было провожать эшелоны на фронт. А однажды только промчался мимо нас поезд, смотрю, спускается с полотна солдат. С вещмешком за плечами и пустым правым рукавом гимнастёрки. И идёт прямо в сторону нашего дома. Я так и рванул с места: «Папа!»... «Нежданная встреча, нечаянная радость», — говорит отец Иван, и глаза его словно пронизывает солнечный свет.

И помнит священник, как в беззвучном плаче припала мать к груди своего безрукого мужа и только вымолвила: «Слава Богу, папа вернулся».

А в тринадцать лет Иван, как самый старший из детей, взвалил на свои плечи заботу о прокормлении семейства, насчитывавшего без малого восемь душ. Днём столярничал на лесокombинате, а по вечерам спешил в школу, мечтая после её окончания поступить в медицинский институт.

О карьере священника в ту пору даже не помышлял. В крестьянском роду Беляковых попы никогда не водились. Хотя рос в верующей семье, с младых ногтей знал наизусть «Отче наш», с удовольствием ходил в храм, говел и почитал все церковные праздники.

А тут Юра Кондратьев, приехавший на каникулы из Загорской семинарии, словно глаза ему открыл: «Зачем тебе медицинский? Поступай к нам в семинарию. Я там уже год проучился». О чём ещё говорил друг детства — история умалчивает. Но только в семнадцать лет собрал Иван котомку и отправился вместе с двумя приятелями учиться на священника.

— В 1953 году после окончания семинарии вернулся в Ташкент, — рассказывает батюшка. — Служил дьяконом, повенчался с Леночкой, певицей в архиерейском хоре. А 21 сентября этого же года был посвящён в сан священника и получил назначение в Душанбе. Народ

*Емельянова, С. Отец Иван крестил детей партбоссов / С. Емельянова // *Золотое кольцо*. — 2000. — 1 сентября. — С. ?.

¹Гомилетика — учение о христианской церковной проповеди: её сущности, содержании, построении, произношении. — *Ред.*

меня как-то сразу полюбил. Старички в основном. Только придёшь, бывало, со службы, сядешь за стол, стучат в окошко: «Выйди, батюшка». Порой и поесть некогда. Схватишь что-нибудь на ходу — и вперёд. А что в воскресенье на крестины творилось! Захожу как-то в храм, а там, боже ты мой, сколько людей! Двести человек креститься пришли. И взрослые, и дети. Шум, гвалт. Вот уж где накрестишься. Но здоровье хорошее было. Устали не знал, сил молодецких на всё хватало.

Недолго задержался батюшка в таджикской столице. Через три с половиной года получает он новое назначение — Иссыккульским благочинным в Пржевальск. Заикнулся было отец Иван, что неудобно ему в таком несолидном возрасте старыми священниками управлять, но владыка Гермоген остановил: «Ванюшенька, я знаю, что делаю. Не гордись».

— Какая там красота была! Сердце замирало от восторга, — вспоминает переславский священник время, проведённое в Киргизии. Но любоваться чудной красотой «второй Швейцарии» пришлось совсем недолго. Закружила по стране «хрущёвская оттепель», и полетели священники со своих мест, как осенние листья с деревьев. Строить коммунизм за двадцать лет решено было в государстве без служителей культа.

Не миновала опала и Ивана Андреевича. Вернулся он в родной город, поселился с женой и тремя детьми у тещи в землянке. Ни работы, ни денег. Спасла поддержка народа. Много в те времена было в Ташкенте люду ссыльного, боголюбивого. «Если бы не они, не выдержал бы. Так и пошёл бы, как доброхоты советовали, делать лампочки на электротехнический завод», — убеждённо считает отец Иван.

А через год и два месяца сжалилась советская власть над священником Беляковым, выпускником духовной семинарии. Нашлось ему местечко в церкви Святой Троицы. Всего себя отдавал батюшка своим духовным чадам. Учил, вразумлял, помогал советами, словами молитвы.

Но священнику снова пришлось упаковывать чемоданы. Заболела младшая дочка, и врачи настоятельно советовали сменить климат. Долго пришлось отцу Ивану уговаривать владыку Гавриила отпустить его на российские просторы. «Не отпущу, ты у нас самый лучший батюшка», — слышал он в ответ. Но перед Сретеньем Господним пришла телеграмма от ярославского митрополита Иоанна, и скрепя сердце пошёл ташкентский владыка на уступку своему ярославскому коллеге.

Так оказался отец Иван в симпатичной Покровской церкви на Плещеевской улице в Переславле. Правда, хозяином себя не чувствовал. По тем временам священник в храме — ноль без палочки. Это сейчас он вместе со старостой и казначеем сообща решает свои хозяйственные и финансовые проблемы. А тогда все церковные дела вершили уполномоченный по делам религии и его представители на местах. В их руках и казна, и сейф, и священник по стойке «смирно».

В Покровской же церкви хозяйничал некто Синицын.

— Вручит он мне длинный список с фамилиями — этого причастить, этого соборовать — и идёшь беспрекословно. До вечера, бывало, проходишь. А город поначалу не знал. Спрашиваю у прохожих, где такая-то улица. «За валом», — отвечают. И лезу напрямик через вал, срываюсь.

— А детвора никогда не кричала вслед: «У попа была собака...» или что-нибудь в этом роде?

— Нет, никогда. Был другой эпизод. Выхожу как-то за калитку своего дома на Трубежной, а на меня бандюга с ножом набрасывается. Схватил я его за руку — нож и выпал. Тут и соседи на помощь прибежали. Дело днём было. Позже узнал, что у человека не всё в порядке с головой. А вообще духовный сан оберегает от грубости и хамства, с чем часто сталкиваются простые смертные.

...Один на всю округу спешил батюшка нести слово Божие каждому, кто в нём нуждался. А нуждались многие, в том числе и местные партбоссы, устраивавшие на дому тайные крестины для своих младенцев.

А уж по праздничным дням Покровская церковь не вмещала всех желающих, идущих из города и окрестных деревень. Тогда и заговорил отец Иван о том, чтобы передали ему Смоленско-Корнилиевскую церковь, стоящую неподалёку. «Не те времена, Иван Андреевич», — ответила ему дама из горкома.

Теперь времена те, но только нет уже той церкви с прекрасным иконостасом, разрушилась и колокольня при ней. Да и отец Иван уже не тот. Годы берут своё. Замучили и больные ноги — следствие сахарного диабета. «Всё пост, — вздыхает старейший переславский священник. — С моей болезнью нельзя на хлебе да на квасе... Но не могу сам себя обманывать. Совесть не позволяет».

Но и сегодня, в 68 лет, он по-прежнему в строю. И спешит на своей мотоколяске, подаренной американцами, в храм, где с таким нетерпением его ждут люди.